

Д а н и и л Ч К О Н И Я
Э Л А Й Я

Д а н и и л Ч К О Н И Я

Э Л А Й Я

К н и г а с т и х о в

Дорогому
Теннадиге Моисеевичу-
почтенный здоровья,
сил, настроения для
новых творческих
свершений!

Москва

КРУГЪ

2009

21.10.2009.

Мюнхен.

Обнимаю,

Валерий Даня

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Ч-73

Чкония, Д.С.

Ч-73 Элайя: Книга стихов – М.: Кругъ, 2009. – 88 с. – ISBN 978-5-7396-0148-3

«Элайя» – восьмая книга Даниила Чкония, дополняющая большую книгу избранных стихотворений «Я стою посредине Европы» (СПб., 2007). Читатель, знакомый с творчеством Даниила Чкония, вновь отметит свободное дыхание, естественность интонации, прямоту лирического высказывания, свойственные поэту.

Автор благодарит за участие в составлении книги поэтов Ларису Щиголь и Илью Фаликова.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-7396-0148-3

© Д.С. Чкония, 2009

ПОСВЯЩЕНИЕ

Элайя, богиня ушедших веков,
Его расковала из вечных оков,
И вот он стоит, повторяя,
Небесное имя: Элайя!

Твердит наяву или бредит во сне,
В темницу запри, на скалистой стене
Он станет ногтями своими
Царапать прекрасное имя.

Он станет, преграды земные круша,
Искать, где вздохнет и воспрянет душа,
Не зная строя и ладу.
На том и окончим балладу.

Но вечной весны веселящийся бес
Нисходит огнем с одичалых небес
И чудится дева земная,
И он повторяет: Элайя!

* * *

Певучий воск расплавлен всюду.
Течет медовый отблеск дня.
Рассыпавшихся листьев груду
Стряхнула верба на меня.

И стадо тянется коровье
Ленивое, а вслед за ним
Вступает осень в Приазовье.
Над морем марево как дым.

Волнуются степные травы,
И ветер тычется в стога.
Не требуя себе оправы,
Лазурь толчется в берега.

Легко лететь велосипеду,
Легко и мне, припав к рулю,
Забывать, куда я нынче еду
По чабрецу да ковылю.

* * *

Жил по соседству маленький портной,
По вечерам он ел свой скромный ужин,
Справлял в субботу грустный выходной,
Искал для дочки выгодного мужа.

А в церкви золотились образа,
Переминался странник, спину горбя,
И всё глядел Спасителю в глаза,
Исполненные вечности и скорби.

У Господа – прямая борода,
Какой у смертных сроду не бывает,
И чудится, что странная звезда
Над головою Господа сияет.

Неколебима вера и чиста,
И на устах благоговеет Слово.
И дела нет, что рисовал Христа
Художник с местечкового портного.

БЕЛОСАРАЙКА

– Молчи, молчи! – и задохнулся шепот,
и новые слова у самых губ
вдруг перехвачены сквозящим поцелуем,
и руки ищут рук, и змеи ног
сплетаются на адской сковородке,
и между резким выдохом и вдохом –
«еще!» – попытки слов и поцелуев,
и этот рвано-точный ритм движений,
несовпадающее совпадение
дыханья, боли, нежности и злости!..
– Я больше не могу!..

– И я!..

И ветер

как будто нас разбрасывает:

где мы?

Вокруг, во мгле, – сентябрь,

хранящий запах лета,

и там...

И там, где гулкий ропот моря
сопровождает пенные валы,
где ветер пахнет чабрецом, а звезды
заглядывают нам с тобой в глаза,
где только дальний бакен –
призрак жизни,
мы, запрокинув головы, лежим,
едва друг друга пальцами касаясь, –
мне кажется, что это дышит вечность
размеренным дыханием твоим...

Я ЕЩЕ ПОМНЮ

Илье Фаликову

Я еще помню – мерцают с утра мостовые,
Я еще помню акации, лужи и пыль.
Бык помавает тяжелой бугристой выей,
Бочка на бричке да вечно пустая бутылъ.

Я еще помню ту лошадь, зеленую фуру, –
Только появится, псы, поджимая хвосты,
Все врассыпную,
а рыжий замешкался сдуру,
Но успеваает со мною сбежать на пустырь.

Я еще помню
тот приторный вкус газировки,
И на губах от шелковицы сладкой следы,
Наши налеты –
с налетом индейской сноровки –
На запыленные в двориках старых сады.

Я еще помню: стучит инвалид деревяшкой,
Чистильщик, помню, сидел на углу,
у крыльца.

Бывший моряк
с ослепительной медною бляшкой,
Бляшку запомнил,
да вот не запомнил лица.

Я еще помню: летают гудки заводские,
Копоть садится на выстиранное белье.
Я еще помню веселые толпы людские,
Майский оркестр,
потрясающий наше жилье.

Я еще помню таранок веселые связки,
Запах соленый и в окна влетающий мяч,
Помню из тыквы – с горящими свечками –
маски,
Переполох и девчонок испуганных плач.

Я еще помню:
в восторг приводила безделка.

Я еще помню густую траву до колен
И погорелку – какая была погорелка! –
Где каждый день брали «немцев»
мы толпами в плен.

* * *

Он бежит,
        словно маленький греческий бог,
От Урзуфа до Бухтармы...
Слева – море и ветер, гудущие в рог,
Справа – глинистые холмы.

Слышен шелест ног и румейский хор –
Растревоженных чаек крик...
На экране памяти рапидный повтор
На мгновенье опять возник.

Отпечатался след среди рассыпчатых дюн,
А над ними тимьян дрожит...
Вестник времени, маленький этот бегун,
Пусть он вечно вперед бежит.

* * *

*Памяти бабушки
Надежды Гогоришвили*

Там начиналось утро с поездов,
В ущелье узком гулко грохотавших,
С двух ласточек,
                                укромное гнездо
Перед рассветом самым покидавших.

И начиналось утро с облаков,
На фоне неба видных еле-еле,
И родников, и быстрых ручейков,
Которые в лесу задорно пели.

И там текла прозрачная вода,
И родина была на вкус холодной,
И отступали горечь и беда,
И жизнь летела ласточкой свободной.

НОЧНАЯ ГОНКА

Сквозь полночь снежную лечу,
Вираз ощупывает фара.
Включу приемник. Поверчу.
Обрадуюсь: поет Ламара.

Рассеивайся, плавай, вей,
Лей надо мною это чудо!
Рассыпь, полночный соловей,
Нить жемчуга, нить изумруда!

Невозвратно пролилась
Через пространства, дали, выси
Души таинственная связь,
Родные сумерки,
Даиси...

ХУДОЖНИК

Надежде Синиченко

1. НОЧЬ НА КУРВЕ

Качнет плоты у низкого причала:
Эй, кто встречает? Жги костры, темно!
И женщины спешат из Ортачала,
Несут хурджин и в бурдюках вино.

Форелий бок румяно золотится,
Подманивает запахом дымок.
Хмельных и полусонных пандуристов
Кинто неудержимый приволок.

Хинкали преподнес духанщик толстый:
Вай, тамада, уже стекает сок!
И пышнословьем расцветают тосты —
Кого не очарует тонкий слог!

Уж ночь, и та, от пиршества устала!
Уж над рекой колеблется рассвет...

И, хохоча, глядит на них Никала...
Еще ни горя, ни страданий нет.

1965

2. ПРЕДМЕСТЬЕ

Ортачала! Ортачала!
Поглядеть бы вам на то,
Как пируют измочаленные
С хищным блеском глаз кинто!

Но в разгульном, беспшабашном, диком стане
По разбитым посеревшим мостовым,
Скорбно согнут, постаревший Пиросмани
С узелком куда-то тащится своим.

Денег нет? Ну что ж, рисует за еду.
Вон духанщик сытый кружит целый день:
«Что задумался, Нико? Имей в виду,
Я хочу, чтоб здесь стоял большой олень!»

Вот актриса Маргарита в платье белом,
Закатившаяся бледная звезда...
И кричит духанщик: «Вывеску доделай!»
Фазтонщики горланят: «Хабарда!»

Вот опять плоты качнуло на причале.
На Куре огни, как дэвы в сказке,
Первыми осенними ночами
Пиросмани начиняет краски...

1966

3. ДВОРНИК

Поседевший, тощий, жалкий,
Для зеваки ты – напасть,
Но в руках метла что палка,
Лишь бы только не упасть.

И до крика невозможна
У тебя в глазах тоска...
Кто мы?
Дворник и художник,
Два разбитых старика.

1969

4. ВЕЧЕР

Разменял судьбу на картинки,
И карманы его пусты.
Посмотри на его ботинки,
Посеревшие от нищеты.

Эх, писал бы в монастырях,
Во дворцах бы писал огромных...
А ночует на пустырях
И в подвалах, в углах укромных.
Толстозадый городской
От него не требует штрафа...

...Вот качает медведь головой,
Вот пронзительный взгляд жирафа.
Конь разбойника простучит
И в ночи укроется мгlistой,
Может, музыка зазвучит:
Где теперь зурначи-пандуристы?
Зайца рвет когтями орел,
Кровь стекает по свежей ране,
К водопаду олень побрел,
Луч упал на большой марани.
Вот шумят на пиру князя –
Вот же – музыка зазвучала!
Да и глаз отвести нельзя
От красавиц из Ортачала!

У зверей – человеческий взгляд,
У художника – взгляд ребенка,
Он богатством делиться рад,
Хороша под кистью клеенка!

5. СТАРЫЙ ДУХАН

Вся жизнь его – страшная повесть,
Но попросту затаена,
Замыта, замазана совесть,
Как в старом подвале стена.

Под серую краской, как тени,
На грязной и пыльной стене
Жирафы, косули, олени,
Робея, тянулись ко мне.

И в этом подвальчике старом
Под говор и гомон людской
Я вспомнил о нем, неусталом,
С такой виноватой тоской.

И тихо стираются даты,
Как в небе рассветном звезда,
И мы всё равно виноваты,
Что где-то случилась беда.

1976

ДРАВИЧ В ТБИЛИСИ. 1975

Пан Анджей – ненасытный пешеход.
Он запросто поднимется в Кикети...
Потом неспешно-быстрый переход
Из Сололаки прямо в Чугурети.

Из Авлабара можно в Дидубе...
С холма на холм, пересекая выси,
Он будто отдыхает при ходьбе,
Он впитывает терпкий дух Тбилиси.

Еще царит неправедный разор,
И ход столетий насылает тени,
И просится в полночный разговор
Грузино-польских судеб совпаденье.

Час испытанья, он еще грядет,
Но Вышний глас зовет к человеку!
Пан Анджей, ненасытный пешеход, –
По городу, по времени, по веку...

АНАНУРИ

Неужто сюда,
где сбывалось мальчишечье лето
и где пролегали дороги
в иные года,
однажды нахлынет
и скроет навеки всё это,
нахлынет, разрушит
и смоем большая вода?

И здесь,
где скала
раскалилась под небом
нагая,
где древняя башня
и солнце седое над ней,
застонет прибой
и ударит волна, набегаая,
и я не увижу
следы твоих легких ступней.

За хлеб и за воду
мы станем платить
красотою. . .
Да что красота –
столько новых содеем красот.
Боюсь не пришлось бы
душевной платить
пустотою –
водой не залить нам
бездонных душевных пустот.

Такое молчанье
томится в прохладном овраге,
Как будто природа
уже затаилась и ждет,
и струи кипящие
Белой и Черной Арагви,
сливаясь,
смеются и плачут...
А время идет...

ВИДЕНИЕ ВО МЦХЕТА

(Отрывок)

Он медленно спускался, и стопа
Нащупывала медленно опору.
И храм Животворящего столпа
Там, за Арагвой, вдруг взмывался в гору.

Но путь еще неблизкий предстоял.
Едва он сном тревожным утолился,
Как первый луч к душе его воззвал.
И он вошел.
И в храме он молился.

Он ратный подвиг свой не вспоминал,
Не исчислял он бранные заботы,
Но к милости Всевышнего зывал
И откровенья жаждал. То ли годы
Влекли на размышленье строгий ум
И сеяли в душе его сомненья,
И утомила тяжесть долгих дум,
И захотелось верного решенья...

И я вскричал: «Когда и впрямь Ты есть,
То – вот он, сын прекрасной и бездольной
Отчизны! Так ответь ему: «Я здесь!» –
Подай свой голос горний или дольний.
Еще травой не зарастает след
Ушедших. Обратись лицом к грузину.
В предошущенье предстоящих бед
Дай укрепиться в тяжелой вере сыну!»

Но не было ответа!.. И века
Текли в напрасном ожиданье дара.
И двигались на Грузию войска
Веленьем иноземного сардара...

Начало 70-х, 2008

* * *

Глазами удивленными твоими
Светло глядеть на Грузию, как ты...
Облиты солнцем соты Шио-Мгвиме,
И тень веков стекает с высоты.

Струится Мтквари ленточкою света,
Бесшумна и ровна издалека...
Скорбит Сиони!
И рыдает Мцхета!
Жжет Кошуэти смертная тоска!

Твердыни от молчания устали,
И, о забвенье горестно моля,
Вновь застонала от земной печали
Бессильем оскорбленная земля.

ВЛАДЕЛЕЦ ШАРМАНКИ

Александру Цыбулевскому

Там посмотришь в окно из квартиры поэта –
Налезают дома на дома.
Столько света – похоже на знойное лето,
А вчера лишь сипела зима.

Посмотри, обнажились
гор окрестных отроги...
Ну, вздохни же! Былое забудь.
За домами угадывается железной дороги
Полоса. Перейдем как-нибудь.

Всё начнется сначала. Начнется сначала.
Что ты сжал в своем кулаке?
Вот опять надежда тебя повстречала
На апрельском сплошном сквозняке.

Поманила – и столько наобещала,
И едва не свела с ума.
Всё начнется сначала. Начнется сначала.
Только выйдем за те дома.

ГРУЗИНСКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Яну Гольцману

По дорожке – пыльной, старой,
По тропинке – да не споро! –
Чок да чок – бычок Цикара,
Чок да чок – бычок Никора...

Путь неблизок, мир нетесен,
День не скуп на свет и краски –
От чуть-чуть печальных песен
До наивной грустной сказки.

И неспешные отары
Тянутся нешумно в горы,
Где остался след Цикары
И не стерся след Никоры.

Потому что в этом мире
Друг – твердыня и основа,
К двум твоим – придут четыре
Добрых дела, добрых слова.

О добре ведутся споры,
И про зло талдычат свары...
Кто придет на зов Никоры?
Кто услышит зов Цикары?

Ветка к ветке, камень к камню –
Свить гнездо, сложить дорогу...
Протянись твоя рука мне –
Сразу чувствую подмогу!

И по-русски: скоро-скоро!
По-грузински: чкара-чкара!
Чок да чок – бычок Никора...
Чок да чок – бычок Цикара...

14 февраля 2003

* * *

Всё – Тбилиси, Тбилиси, Тбилиси!
Это имя звучит без конца.
Эти улицы, вывески, выси,
Многоликое чудо лица.

Всё сплелось, перепуталось, спелось,
Всё смешалось, навек обнялось.
Это – словно усталость и спелость,
И веселая юная злость.

Это – совесть, и это – дыханье.
И дышу.
И, пока не умру,
Это листьев моих колыханье
На последнем, на вечном ветру.

НЬЮ-ЙОРК В РИТМЕ ДЖАЗА

Ритм начинается
с перестука вагонов подземки –
белые, желтые, черные –
пассажиры в аквариумах огня, –
когда мы влетаем на эстакаду
и город выпучивает зенки,
и грязный выход на 42-ю
изумляет: «Ну и фигня!»
Потом вступают дружно
горы стекла, бетона, металла,
которым подыгрывают, подмигивают
километры поющих реклам
и реки огней, текущих
так яростно и устало
из downtown в uptown,
сплетаясь в рев, гул, вой, гам!
Улицы – на запад.
Улицы – на восток.
Свет, шум, запах.

Оторопь, ужас, восторг.

Перекрестков график.

Небоскребов рой.

Набухает трафик

Бензиновой горой.

Ритм начинается,

когда ты идешь по тротуару, когда вослед тебе выплескивается ветер, забежавший за тобой в магазин, ты, с шоколадной кожей, с шоколадной, недоступной никакому загару, в белой шубке, на которую сброшены смолистые волосы, когда ждет тебя длинный, как дирижабль, белый лимузин, в который прячут тебя, как дорогую сигару, в дюралевую трубку, а ветер, который уже весь Манхэттен просквозил, напоследок бросается в ноги тебе (о, как он воет, срываясь по всей авеню, словно в аэродинамической трубе!) – обалдели прохожие, ослепли окна гигантских коробок, красным поперхнулся вдруг светофор и застыли автомобили, – Господи! – застит мне дымом взор, – до чего же я робок! – присутствуем при рожденье пробок, которые не рассосутся к грядущему дню, – ветер, ветер,

ветер – гуляет по авеню, – ишь, говорит, ка-
кая ты ладная, жарко-прохладная, вкусная,
безыскусная, шоколадная, сладкая, жадная,
просто, ад для меня, погибель отрадная! – эй,
кэбмен, – кричу, – заплачу! – я ее вместе
с улицей этой хочу! – только гарь ударила
в ноздри смрадная, и исчезла ракета с тобой
подобно лучу...

Рев, стук, гром, вой.

Огонь – под ногами,

огонь – над головой.

Ритм начинается

с джаза вечерних улиц, с импровизации со-
лирующих выхлопных труб, когда идешь,
сначала от страха сутулясь, потом, распрямившись,
лицо запрокинешь к дыханию
горячих губ звездного неба, падающего в
колодцы безумного города, который пугает,
отчуждает, согревает, манит!

Ритм начинается

как птичий клекот у горла...

Ритм начинается...

Ритм...

Р-и-и-и-т-м...

ПРОСТАЯ ИСТОРИЯ

Они лежат в чужом доме,
Во тьме припав друг к другу.
Им хорошо. И потому
Они не слышат вьюгу.

А за горячею стеной,
За неостывшей печкой,
Дрожит от стужи ледяной
Горячее сердечко.

Хозяйка дома молода
И – черт возьми! – красива,
И ей студеная вода –
Что жгучая крапива.

. . . . .

Две женщины, спеша, бегут
С рассветом на работу,
А у него – веселый труд:
Поесть, попить компоту.

А что ж, он гость издалека.
Как милая ни просит,
Уедет скоро, а пока
Воды и дров наносит.

Потом приляжет на диван,
Натянет плед на плечи,
Возьмет переводной роман...
А там наступит вечер...

. . . . .

Она-то ждет в своем дому,
Чтоб мать и сын уснули,
Чтобы скорей бежать к нему...

А он сидит на стуле,
С хозяйкой бледной пьет вино
И балагурит с нею,
И у нее в глазах темно,
А на дворе темнее.

Она дрожащею рукой
В тарелку хлеб свой крошит
И этот цепкий взгляд мужской
Пугает и тревожит.

* * *

Буксир на реке завывает...
Я вышел и сразу промок.
Ну что ж, и такое бывает.
И что мне полночный звонок!
И что мне в твоём интересе —
Куда мое время летит!
Ты где-нибудь в теплой Одессе,
А здесь без конца моросит.
Здесь тусклая сырость нависла.
Не спрашивай лучше, не зли!
Летят перелетные числа
И тают в осенней дали.
Недолго уже до мороза,
Как вечер наступит — ни зги...
Какой-нибудь Бабель с Привоза
Тебе заморочит мозги.
Мерцает холодная лужа,
Буксир завывает, скорбя...
Послушай, найди себе мужа!
Пускай он ревнует тебя!

* * *

Открылась горящая бездна,
Где ты, не сгорев от огня,
В лесу под горою Железной
Так ласково любишь меня.

От нежности делаюсь краше,
От силы и страсти – нежней...
Деревья – свидетели наши –
Застыли до самых корней.

Люблю этот стон бесконечный
И шепот из сомкнутых губ,
Когда я – невечный и вечный –
И нежен с тобой, и негруб.

Пусть это длится и длится,
И всю мне тебя не испить.
Об этом примолкнувшим птицам
Веками потом говорить.

* * *

Но как просилась ты в силки
Наперекор своей природе...
Я научил тебя свободе,
И – взмахи крыл твоих легки.

Лети, неласковая птица,
И падай в медленную высь.
Не оглянись: всё повторится.
Не повторится! Оглянись!

И – плавная – по повороту –
Истаиваешь ты во мгле.
Я научил тебя полету.
А сам остался на земле.

ИТОГ

Опять пустые разговоры,
С концами не свести концы...
Нас учат честной жизни воры
И – благородству – подлецы.

1986

ВОСЕМЬДЕСЯТ СЕДЬМОЙ

Не понимая ни хрена –
На том или на этом свете,
Прислушался: сопит жена
И дышат безмятежно дети.

С чего вскочил? Всему виной,
Что было принято неслабо.
Приснился дикий сон дурной
И сладкая чужая баба.

Еще не кончился завод,
В башке – сумбурное уродство.
Сейчас будильник позовет
На доблестное производство.

Жена проснется – пригвоздит!
Ему б рюмашек пару-тройку,
И пусть по радио пиздит
Генсек про нашу перестройку.

14 мая 2004

* * *

Рассвет, набравшись храбрости, приник
К захламленному рухлядью балкону.
И я, читатель устаревших книг,
Читаю этот сумрак законный.

Пока ты спишь, от головы до пят
Объятая усталой истомой,
Я мыслями тревожными объят,
Как чтением зачитанного тома.

И – шорх да шорх! – пугает дворник тишь.
И – шорх да шорх! – шуршат сухие шины.
Люблю, когда ты безмятежно спишь!
И прогоняю мыслей писк мышинный.

Люблю, когда, на миг открыв глаза,
Мой долгий взгляд встречаешь удивленно
И вдруг, вздохнув, опять уходишь за
Границу яви, в этот сумрак сонный.

БУДНИЧНАЯ ПЕСНЬ В ДЕКАБРЕ 1991

Он вставал в шесть утра
пил чай и ел бутерброд
с маслом колбасой сыром
выходил из грязного подъезда
втискивался в тряский автобус
вылезал у проходной
переодевался в робу
и полсмены гонял на автокаре
а полсмены забивал козла
мылся в душе
переодевался
у проходной встречался с дружками
пили пиво в пустовавшей торговой палатке
сбрасывая рыбью шелуху на грязный пол
незлобиво переругивались спорили о футболе
бегали по очереди за новой порцией пива
ругали бригадира сбрасывая шелуху на грязный пол
пили пиво курили рассказывали

анекдоты про Василия Ивановича Рабиновича Брежнева русских пили пиво сбрасывая шелуху армянское радио чукчей грузин пили пиво коммунистов евреев сбрасывая шелуху на пол Сару Львовну посылали за новой порцией пива сука бригадир сбрасывая шелуху не выписал падла премию курили Васькина жена стерва пили пиво связалась с начальником сбрасывая шелуху а ты кто такой посылали кончай ругаться ребя пиво шелуху дочка с соседским охломоном пиво гады разбавляют в подвале застукали шелуху бригадир Леонид Ильич Рабинович а ты кто такой шелуху козел вонючий пиво ребя посылали кончай сбрасывая задираться шелуху шелуху шелуху шелуху шелуху шелуху добирался домой на карачках дети спали в соседней комнате жена злая штопала носки у телевизора огрызался вкалываю день и ночь посидел с друзьями сама небось полдня ничего не делала с бабами в очередях трепалась надоело одно и то же ложился спать...

Он и теперь встает в шесть утра
масла нет колбасы и сыра тоже
пьет чай с хлебом
выходит из грязного подъезда
втискивается вместе с соседом
в грязный автобус
и всю дорогу до проходной
ругает этих сраных демократов
при коммуняхках, – говорит, – мы
жили по-человечески

* * *

Пусть берег, не затянутый в гранит,
Всё, что тобой не сказано, хранит,

Не выпроставшись из холодной тьмы...
А там горят Крылатские холмы.

Золотоносный молодой огонь,
Когда ладонь вплетается в ладонь,

И сон реки старается сбечь
Молчание – твою немую речь.

ПОТОМОК

Иногда я думаю о том,
На сто лет вперед перелетая...

Арсений Несмелов

Февральский день то солнечен, то хмур,
Закат летит на облаке кауром...
Хотел бы я увидеть Порт-Артур,
Когда еще он звался Порт-Артуром.

Когда вздымались завеси песка
И жар ночной пылал страшнее солнца,
Когда прошли Маньчжурию войска,
Чтоб осадить надменного японца.

На западе орудья не рычат
И на Востоке гул стихает медный.
Всё празднует! Да я и сам зачат
Родителями на волне победной.

Кому теперь не в радость этот пыл?
Кого печаль объяла – перечисли!
Я сам бы пел, когда б уже я был,
И если бы уже я что-то смыслил.

Я пел бы и не думал – в этом соль, –
И даже был бы прав, на самом деле.
Откуда же явилась эта боль,
Где места нет и дальней параллели?

Сгорала горечь в медленном огне,
Смешавшем страх с одышкой восторга.
И тех, кого застигли в Харбине,
Повыволокли до Владивостока.

Щемит кусок незагнанной души
И остаются песни непропеты...
Дворянки, проститутки, торгаши,
Актеры, офицеры и поэты...

21 февраля 2003

ДАВНЯЯ ВЕСНА

Дэвиду Губенко

Во сне страдает прокурор:
Козырный туз летит по марту.
Портовый вор – фартовый вор
Не передергивает карту.

А шулер шарит под столом
И пальчиком ползет к ботинку...
Ну, идиот, ну, дураком!
Гляди, напорется на финку!

Я этой публике не кум,
Чтоб отираться здесь ночами.
С чего же вдруг пришло на ум,
Как поводили мы плечами.

А днем, покуда спит беда,
Весна ломает елки-палки,
Журчит веселая вода
И черный снег сочится в балке.

Там из невидимых берлог –
Еще во всхлипах, вздохах, всхрапах –
Ползет на полуголый лог
Зимы тяжелый, спертый запах.

Но, выпроставшийся из пут
На сине-розовом рассвете,
Окреп и в полдень – тут как тут! –
Дохнул от моря свежий ветер.

И мы, чья первая строка
Еще не набрана петитом,
У портовского блатняка
Уводим девок аппетитных.

7 января 2003

* * *

По сбитым ступеням,
        за поручень ржавый держась,
Сбежать переулком
        к пропахшею рыбой слободке...
Не знаю, какая
        возникла и вздрогнула связь
С затертым куплетом
        о водке, селедке, молодке.

Где морем не пахнет,
        я чую ноздрями свежак,
И тонкая леска
        серебряным всплеском взлетает.
Качаются лодки,
        настилы скрипят и дрожат,
И жизнь истлевает,
        и память страницы листает.

30 августа 2005

* * *

Мяч над сеткою взлетает,
Бутов гасит, я тяну.
Тренер Бутова гоняет.
И подача на кону.

Понапрасну Бутов злится,
Травит душу сам себе,
Понапрасну матерится
По ревнивой по злобе.

Да и я зазря Натахе
Что-то в рифму лопочу,
Ей плевать на охи-ахи:
Не хочу и не хочу!

Развезут потом соседки,
Чтобы знали стар и мал,
Как в полуночной беседке
Участковый Натку мял.

Не подаст Натаха `вида –
Вздернут нос и бровь дугой...
Сердце Бутова разбито,
Я чешу мозги другой.

Звать девицу эту Эмма,
Ей читать стихи – резон,
Но закрыта эта тема –
Летний кончился сезон...

Гнет судьбина человечка:
Не гадала, не ждала,
Но, глядишь, Натаха – зэчка,
Да! торговые дела.

Долетали позже враки –
Всё привычно и старо –
Будто Бутов в пьяной драке
Напоролся на перо.

Счастлив с Эммой толстозадой,
Вместе с нею народил
Четырех девчонок кряду
Участковый крокодил.

Вспомню вновь и вновь забуду
О далекой той поре.
Никогда уже не буду
В мухосранской той дыре,

Где озлобленный и датый
Бутов кроет матерком,
Где обдало нас когда-то
Жизни вешним ветерком.

Вот и смыло всё, что было,
Всё растаяло, как дым.
Та дыра давно забыла,
Как гулял ты молодым.

Той дыре не много значит,
Занятой своей бедой,
Что душа о ней поплачет
По-над рейнской водой.

Дежурный по станции –
красномордый и испитой –
смотрит на нее без сочувствия,
пожалуй, что – с осуждением:
догулялась, мол, баба...
Унылый пес,
прихрамывая на заднюю правую,
трусит по перрону,
облезлый хвост поджимая,
и, чуть не наткнувшись на женщину,
испуганно кидается в сторону,
мимо стенда,
где под стеклом перекошена газета,
со статьей про волюнтаризм
и перекосы в сельском хозяйстве –
прощай, эпоха кукурузы!
С чем еще предстоит прощаться,
мне – молодому, глупому, счастливому –
невдомек.

И, почти веселясь,
я смотрю на пьяненького мужика,
вываливающегося из станционного буфета:
мужик хлопает глазами, открывает рот,
будто хочет криком остановить
уносящий меня

в светлые большие города поезд,
а крик не выходит,

и только долетает в приспущенное окно
ехидный окрик мордатого дежурного:

«От, дурак!..»

И уже их нет и не будет.

Но еще мелькнет покосившийся плетень,
за которым тетка развешивает

цветастые лоскуты стираного белья,
ленивый кот обернется

на громыхающий состав
и спрыгнет во двор, распугивая кур,
бестолковый бычара

сверзится с отскочившей буренки,
застучат колеса

по недолгому мосту через тихую речку,
с берега которой помашут вагонам

полуголые пацаны,
и отнесет куда-то во время и пространство
эту никакую жизнь, эту нежизнь,

как покажется мне –
молодому, глупому, счастливому...

А женщину жаль.

* * *

На волну направлю лодку
Выдох затая,
Не запугивай молодку,
Молодость моя!
Что порвется там, где тонко,
Нам ли с ней не знать?
Остается плоскодонку
В камыши загнать.
Этим звездам падать вдоволь,
Жаркая напасть.
Остается бабе вдовой
Выплакаться всласть.

В ГОСТЯХ

1. ГОРОД

Что за праздник без нас происходит?
А зато не зовут под топор,
И весна всё равно колобродит,
И картавый заходится хор.

Имена и названья, детали,
Отголоски, мельканье примет.
Старый дурень на книжном развале
Ищет время, которого нет.

По проспектам лужковской малины
Золотые витрины горят
И летят, как шмели, лимузины
Там, где девки построились в ряд.

2. ДЕРЕВНЯ

Из европ, так сказать, на побывку.
Доставай из чулана уду!

Кто куда, ну а гость – на помывку
В комарином зудливом пруду.

Вот те на! – наворочали блоки,
Горы гравия понавезли.
Водяные кусачие блохи
С перепугу – куда? – уползли.

Ладно, свистни соседской молодке!
Ваську-конюха – тоже сюда!
Выставляю дерьмо против водки –
Шнапсом звали в иные года.

В городах затерялась соседка,
Вертит, ясно, теперь не хвостом.
Васька-конюх, спиртованный дедка,
Видит сны под дощатым крестом.
На коровниках тихо и пусто.
Тявкнул Шарик, живуч, хоть и хром.
Там, где зимняя зрела капуста,
Понаставили дивных хором.

– Енто пришлые лепят заборы,
На все стороны лепят, на все.
А что пруд, так идут разговоры,
Мол, шасе проведут до шасе.

Церкву ладят, и жизнь загрохочет –
Не чета стародавней поре...

Ишь, подпрыгнул и цыркает кочет
На утят в захиревшем дворе.

Ути-пути, – зову, – ути-пути!

Нет вам больше свободной воды.

Что стоять, мелкота, на распутье!

Где пути, чтоб не ведать беды?

А в газете – хитрющая рожа:

Мелковат, хоть пружиниста статья.

От еще инператор-надёжа!

Видно, вор, как всегда, видно, тать...

2000

* * *

Скажи-ка, скажи-ка,
и что это вдруг за печаль?
Какая аджика закатом окутала даль?

Какие рубины горят в опаленных глазах?
Блестят карабины, сияют закаты в слезах.

Обещаны сласти, завещаны дни наперед –
А власти? Что – власти!
Всегда презирали народ.

Гуляли медведи,
и, жабры кровавая во льду,
Рыбешки-соседи глотали, как воздух, беду.

Чеснок или перец, и соль, и густые масла́ –
Гляди, иноверец, что жизнь
для тебя припасла.

30 сентября 2005

ПОСВЛОК

Закат кровав, как рана ножевая.
Дым над трубой, как дым от папирос.
Зима сдалась, померкла, но – живая –
Надеется на мартовский мороз.
Еще в снегу размашистое тело
На край деревни влезшего холма,
Но днем, уже всплакнув осиротело
Проталиной, закашлялась зима.
За эмтеэсовскими гаражами,
Где остовы машин без запчастей,
Случайный гость гуляет, горожанин, –
Диковина!.. Вот летом всех мастей
Прикатывают гости – поле, речка
И за холмом грибной, певучий лес...
А этот – никому ни полсловечка,
Какой его привадил интерес!
Чего его тут носит, неизвестно.
А по прикиду видно, что непрост.
Поспрашивал бы – коль чего? – у местных,
А то еще – поперся на погост.

Кто выглянул, да тут же хлопнул дверью,
Кто шею тянет из воротника...
Издалека с недобрым недоверьем
Глядит угрюмый люд на чужака,
На этот джип с набыченной охраной...
Не то, что б не видали! Но – не здесь.
А шрам заката полосой багряной
Пересекает дымчатую взвесь.
Сомнительный, и потому хреновый,
Ни с кем он не затеял разговор.
А, может, он из нынешних? Ну – новый!
И зарится теперь на наш простор!
И понаедут, понастроят дачи!..
Чего уж не бывало на веку.
И то сказать, короткий миг удачи:
Привалит работенка мужику.
Так ведь ни с кем не покалякал – мимо!
А там залез в свой джип – и был таков!
Лишь из трубы плеснул вонючим дымом
На раздосадованных мужиков.
Короче, всё не так и всех подперло:
Привычно дали волю матерку.
И даже водка не полезла в горло.
А больше нечем заглушить тоску.

9 января 2003

* * *

Поддайте, черти, угольку лопатой!
Чего вам лапы мокрые сушить!
Мы девочек любили хитроватых,
Которые мечтали согрешить.

С годами мы накапливаем желчи,
На всякий звук выплёвывая: Ха!
Теперь мы любим хитроватых женщин,
Мечтающих о жизни без греха.

4 июня 2004

* * *

С концами не сойдутся
Бесследные концы...
Глядишь, уже напьются
Из лужицы скворцы.

Капель слетит на темя –
Прозрачная слеза...
О чем грохочет время?
О чем гремит гроза?

Еще строка не спета –
О чем? О чем-нибудь.
От февраля до лета
Такой короткий путь.

И прорастает семя,
Согретое лучом...
О чем ты? – шепчет время.
Не знаю сам – о чем.

* * *

На ветке темная фигура,
Доносится уныло: Крак!
Я говорю вороне: Дура!
Она мне говорит: Дурак!

Какая стройная беседа
Двоих, глядящих свысока.
Она – надменная всеведа.
И я – валятель дурака.

21 апреля 2004

* * *

Рановато для бабьего лета
В сентябре разыгралась жара.
Видно, песенка наша не спета,
Как нам это казалось вчера.

На рассвете туманно-бездонном
Спор нахальных ворон у окна.
Почему наша нежность бездомна?
И разлук не боится она.

Так скажи, что пора нам, пора нам
Разлететься за окном...
Я удачи считаю по ранам,
По зазубринам в сердце моем.

* * *

Чужая птица у чужого
В ночи горящего окна,
Она не знает птичье слово
И птичьего не знает сна.

Её ни ночь, ни день не ранят
Ритмичным стуком у виска.
Чужая птица – на экране
Изображённая тоска.

Любой способен в горло впитаться.
Любой способен обогреть.
Не улетай, чужая птица!
А ей и некуда лететь.

2 марта 2004

* * *

Руку протянешь – звенит пустота,
Руку отнимешь – ударило веткой...
Время не это и песня не та,
Прикосновенье с нездешней отметкой.

Боль миллионов проходит как звук,
Не достигающий праздного слуха,
Будто и не было боли и мук
В мире, в котором и пусто и глухо.

Ибо Европа глупей, чем была
В страшные годы смертей и пожарищ,
Ибо творятся пустые дела
Там, где отыщется волку товарищ.

Звук округлится в певучее О,
Чтобы сложилось и сладилось пенье...
Наше терпенье и есть естество,
Перетекающее в забвенье.

22 сентября 2003

ОЖИДАНИЕ ЗИМЫ

Яблоко солнца сжигает в ночи города.
Им, оголтелым, и ночью не спится у моря.
Там, в переулках, таится людская беда,
И не слышать ни долгой печали,
ни горя...

Ибо гуляет и празднует брeнная плоть,
Мусор прибрежный клокочет
в кипении пены.

Праздник исподнего
шумен и жаден, Господь!
И улыбаются горькие аборигены.
И ожиданье холодной и долгой зимы,
Бедность сулящее,
полнится светом и смыслом.

Может быть, тоже разделим, усталые, мы
Тех одиночеств неисчислимые числа?
Как тебе спится
в полдневных объятьях луны?

Что тебе грезится, снежная Ницца, недолго?
Снова сыреют тоски ненасытные сны,
Снова печали ночная рубаха проволгла.

Маятник жизни раскачан дыханьем времен,
Уравновешенных однообразным теченьем
Мелких событий

и громким звучаньем имен,
Необъяснимым ни смыслом своим,
ни значеньем.

Мол расширяют, и охает молот в порту,
Голь перекатная ветром колотится в щели,
Капелькой горечи камешек тает во рту,
Как не устать от тягучей такой канители?
Блеск нищеты

и убогость окрестных красот...
Старая лодка рассохлась
на грязном причале...

Ну, так взгляни
с этих горних незримых высот, –
Не Судия, не Советчик –
немой Сопечальник.

6 декабря 2002

КАФЕДРАЛ

У исповедальных кабин,
Как водится, нет никого.

Юрий Кублановский

И вьются линии, перевиваются стволы,
и пни, и пинии, и плавно связаны углы.
Как звук-мычание, необретенный смысл,
там дух молчания
над вечным временем навис.
Не будут сказаны душой повинные слова,
не будут связаны,
томленьем совести добытые права
на честь и ясность. Эти гибкие дубы
таят опасность необретения судьбы.
Ни с кем советуясь,
не поверяя стыд и боль,
почто ты сетуешь,
что нас оставила любовь.
Идти к причастию,
не исповедавшись в грехах...
Орган несчастья
Уже раздул свои меха.

* * *

Мелкий дождь, стекающий за ворот,
Говорит, что жизнь нехороша.
Значит, снова падает на город
Осени ненастная душа.

Листья шелестят благоговейно
И шуршат у времени в горсти.
И волна недремлющего Рейна
Норовит их дальше унести.

Чайки то пикируют на сушу
То опять срываются к воде...
Где тебе согреть осень душу,
В сумерки упавшую? Нигде.

Ничему не придавать значенья,
А еще вернее – помолчать.
И реки стремительной теченья,
Как теченья лет, не замечать.

* * *

Кладбищенская тишина.
Закатный луч прилег на плиты.
Везде чужие имена,
Надеюсь, что не позабыты.

Но вот она, забвенья мечь:
Сквозь щели травы лезут, колки.
Не разобрать и не прочесть
Родной кириллицы осколки.

Страдал и радовался, жил
И – что? – не заслужил пометку...
И я вдоль трещин положил
Украдкой сорванную ветку.

Прости, за что – не знаю. Ты
Уже прикрыт небесной дланью.
Так будь из этой Пустоты
Приветлив к моему посланью.

* * *

Полустанка светлеющий лучик,
И опять закачался вагон,
И случайный болтливый попутчик,
Продолжающий повесть вдогон.

Чем он делится здесь, в полумраке
Осенённого ветром купе?
Ты выслушивал долгие враки,
Но порой открывались тебе.

Ни тебе, ни себе, но кому же
Отворялась душа иногда...
Свет за окнами ниже и уже,
Догоняет в ночи поезда.

В «Интерсити» случается даже
Поглядеть на соседа с зевком.
Но никто, никогда не расскажет,
Что с тоскою и болью знаком.

* * *

Гуляет море, тихое вчера,
И люди с постоянного двора
Опять глядят в пустую даль устало.
Таможня прячет ружья под навес,
Струя дождя – ветвям наперерез,
В харчевне карты разложил катала.

Поручиком уже никак не быть,
В штабс-капитанах тоже не ходить,
И не скупать для светских львиц подвески,
Поскольку ни имения в заклад,
Ни дяди честных правил, а закат
Не высветил контрабандистской фески.

Волне шипеть, шептать и рокотать,
Подкрадываясь к берегу, как тать
В ночи, и с ветром бестолково споря.
И стоя на турецком берегу,

Я столько напридумывать могу
Пока еще погуливает море.

Прошла эпоха. И была она
По-своему прекрасна и темна,
И нынче времена не так уж плохи.
Я не поручик и не капитан,
Стою себе, не весел и не пьян,
Свидетель подступающей эпохи.

Как многие, гляжу в пустую даль,
Гуляет море, ну и мне не жаль,
Кого катала нынче раскатает.
Стремительное время протечет,
Сыграет с нами в нечет или чет,
И также в этих сумерках растает.

ЭКСКУРСОВОД

Юрию Малецкому

Могу признаться, это не беда,
А также никакое не открытие:
Я сочиняю эти города,
Угадываю, чую по наитию.

Минуя переулки и дворы,
И скрытые глухие переходы,
Перемещаюсь из одной поры
В иные – ощущаемые – годы.

Куда толпою суетною прём?
Какие времена за поворотом?
У спутников моих поводырем –
Приветный жест пошлю стрелковым ротам.

Вот злобного тирана обману,
Мучительно прикинувшись придурком,
Там рыцарство в бараний рог согну,
Здесь подмигну по-свойски ловким уркам.

Слетела с плахи чья-то голова –
Мы отшатнулись. Мы чуть-чуть устали.
Что, спутники мои, – слова, слова?
Важны не сами факты, а – детали.

С небес струится вечная вода,
Но можно и ее услышать внове...
Я сочиняю эти города.
На жесте их ловлю, на полуслове.

26 апреля 2005

БРЮССЕЛЬ ПОЗДНИМ ВЕЧЕРОМ

~~Голос гида гремит, пускаешь в пляс
Потому что вокруг пылают Гран-Пляс.~~

От Павлина до Лебеда – наискосок –
Вся история бьется птенцом в висок.

Башня Ратуши белой и Дом короля,
Остриями в звездном небе пыля,

Облаков задевают вечерний рой...
Я уже не рассказчик, я сам герой.

На меня насылают француз ядро
И палач напяливает мешок-ведро,

Избегаю соперникова копья,
У меня в сюртуке – ни гроша, ни копья,

Но во мне, гляди-ка, не погас, не потух
Этот гордый валлонский, фламандский дух!

* * *

Пыхтит буксир и гордо реет
Флажок, не ведающий сна.
Необъяснимо душу греет
Обманчивая тишина.

По всем приметам – будет ветер,
Захлебывается эфир...
Но, кажется, – один на свете –
Тревожится смешной буксир.

Свистит свисток, дрожит машина,
Куда-то вдаль глядит матрос
Из-под руки, и трется шина
О дебаркадер, будто пес.

Глядишь, и боцманские дудки
Сверкнут сиянием своим...
Звучат ли наши прибаутки
Предупрежденьем штормовым?

* * *

Я согласен назвать ностальгией
Бесконечно тягучие сны.
Вижу лица, но лица – другие.
И другие приметы весны.

Подступающий миг пробужденья
Не пугает реальностью дня.
Но сменить бы мне дату рожденья,
Раз уж адрес иной у меня!

И, посмертные слепки снимая,
Счет ушедшим мгновеньям веду.
Я сегодня, что лошадь хромая,
Сбился с шага и сплю на ходу.

Не задворки, зады, перекопы,
Не обмылки в гремящих тазах...
Я стою посредине Европы
С азиатской тоскою в глазах.

* * *

Николаю Панченко

Ночного ветра свист и вой
Затих. Покой и нега.
За автострадой кольцевой
Клубы седого снега.
Настала лучшая пора,
Глаз не смыкая, до утра
Раздумывай неспешно
Над тем, что твой вчерашний день
Ложится, как на травы тень,
Как свет во мгле кромешной.

Ночного ветра свист и вой
Затих. Покой и нега.
За автострадой кольцевой
Клубы седого снега.
Клянись седою головой,
Что не был предан друг тобой,
Что – пусть как Бог усталый –

Ты с чистой совестью идешь...
И если всё это не ложь –
Не умирай, пока живешь,
Как говорили галлы!

1978

Содержание

Посвящение	3
«Певучий воск расплавлен всюду...»	4
«Жил по соседству маленький портной...»	5
Белосарайка	6
Я еще помню	8
«Он бежит...»	11
«Там начиналось утро с поездов...»	12
Ночная гонка	13
Художник	14
Дравич в Тбилиси. 1975	19
Ананури	20
Видение во Мцхета (<i>Отрывок</i>)	22
«Глазами удивленными твоими...»	24
Владелец шарманки	25
Грузинское стихотворенье	26
«Всё – Тбилиси, Тбилиси, Тбилиси!..»	28
Нью-Йорк в ритме джаза	29
Простая история	32
«Буксир на реке завывает...»	34
«Открылась горящая бездна...»	35
«Но как просилась ты в силки...»	36
Итог	37
Восемьдесят седьмой	38
«Рассвет, набравшись храбрости, приник...»	39
Будничная песнь в декабре 1991	40

«Пусть берег, не затянутый в гранит...»	43
Потомок	44
Давняя весна	46
«По сбитым ступеням...»	48
«Мяч над сеткою взлетает...»	49
«Полустанок...»	52
«На волну направлю лодку...»	55
В гостях	56
«Скажи-ка, скажи-ка...»	59
Поселок	60
«Поддайте, черти, угольку лопатой!..»	62
«С концами не сойдутся...»	63
«На ветке темная фигура...»	64
«Рановато для бабьего лета...»	65
«Чужая птица у чужого...»	66
«Руку протянешь – звенит пустота...»	67
Ожиданье зимы	68
Кафедрал	70
«Мелкий дождь, стекающий за ворот...»	71
«Ботинки сбивая, стираю булыжник Европы...»	72
«Кладбищенская тишина...»	74
«Полустанка светлеющий лучик...»	75
«Гуляет море, тихое вчера...»	76
Экскурсовод	78
Брюссель поздним вечером	80
«Пыхтит буксир и гордо реет...»	82
«Я согласен назвать ностальгией...»	83
«Ночного ветра свист и вой...»	84

Даниил Соломонович Чкония

ЭЛАЙЯ
КНИГА СТИХОВ

На обложке:
Даниил Чкония. 2008

Подготовка иллюстрации к печати

А.В. Филоненко

Корректор

М.М. Уразова

Верстка, макет

Л.А. Шелковой

Издательство «Кругъ»
Тел./факс: (499) 243-51-03

Формат 60x84¹/₃₂. Печ.л. 2,75
Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Подписано в печать 17.12.2008

ISBN 978-5-7396-0148-3

9 785739 601483 >

Отпечатано в типографии «Петраруш»,
Москва, ул. Палиха, 2а

Даниил ЧКОНΙΑ

родился в 1946 году в Порт-Артуре,
вырос в Мариуполе, жил в Тбилиси,
с 1975 года – в Москве, с 1996 – в Кёльне.

В 1973 году окончил
Литературный институт им. А.М. Горького.

Член Союза писателей с 1976 года,
ныне – член СП Москвы,
член Международного ПЕН-клуба.

Главный редактор (соредактор) журнала
русской литературы «Зарубежные записки»
(Германия).

Автор книг стихов:

Звук осторожный (Тбилиси, 1976)

Подводный камень (М., 1986)

Слободка. Мариуполь (М., 1990)

Перед паузой (М., 1997)

Медленные холмы (М., 2002)

Чужие города (М., 2005)

Я стою посредине Европы. Избранные
стихотворения (СПб., 2007)